

Л. Ч. Далкылыч

МОДАЛЬНАЯ И ВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ФОРМАМИ ПРОСТОГО БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение темпоральной и модальной семантики в тех или иных высказываниях представляется одним из перспективных направлений лингвистических исследований в рамках описания способов и особенностей языковой концептуализации времени. Понятие темпоральной и модальной семантики неоднократно изучалось в русской лингвистике в работах А. В. Бондарко [1], В. В. Виноградова [2], Г. А. Золотовой [3], Г. Б. Колшанского [4] и др. Так, например, с точки зрения А. В. Бондарко, «семантическая категория темпоральности отражает языковую интерпретацию восприятия человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета, основным членением которой являются одновременность (настоящее), предшествование (прошлое) и следование (будущее)» [5, с. 47]. Темпоральность рассматривается как функционально-семантическое поле — целостная система, центром которой является морфологическая категория времени, включающая ряды противопоставленных друг другу форм. Помимо морфологической категории времени эта система включает дополнительные лексические и синтаксические показатели.

Если говорить о понятии модальности, то в лингвистической литературе оно рассматривается с разных точек зрения. Крайняя из них представлена очень широкой трактовкой, согласно которой модальность рассматривается как «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности. То или иное отношение к этим признакам представлено в значениях: 1) актуальности/потенциальности (возможности, невозможности, необходимости, гипотетичности и т. д.); 2) оценки достоверности; 3) коммуникативной установки высказывания; 4) утверждения/отрицания; 5) засвидетельствованности (эвиденциальности)» [5, с. 236].

Цель данной статьи — показать соотношение темпоральности и модальности в предложениях с формами простого будущего времени совершенного вида (далее — ПБВ СВ) на основе материала, взятого из Национального корпуса русского языка¹ (далее — НКРЯ) и отражающего различные его (русского языка) хронологические пласты.

Исследователи различных областей лингвистики неоднократно отмечали, что модальность создает условия для реализации тех или иных темпоральных отношений. Определенное отношение ко времени присуще любому высказыванию. Это утверждение нашло отражение в синтаксических концепциях, которые включают категорию времени в число обязательных признаков предложения². Следовательно, можно сказать, что связь между темпоральной и модальной семантикой необходимо изучать на

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

² См., например, понятие предикативности в работах В. В. Виноградова [2, с. 223, 226–228, 226–270].

© Л. Ч. Далкылыч, 2012

синтаксическом уровне, так как одной из основных проблем современного языкознания являются изучение и расшифровка закодированных на синтаксическом уровне способов мышления.

В связи с такой постановкой вопроса на первое место в изучении грамматики выдвигается самая ненаблюдаемая, скрытая в человеческом сознании сфера — синтаксис и синтаксические отношения. Отраженные в сознании языковой личности отношения и связи между реалиями внеязыковой действительности реализуются на уровне высказывания в разнообразнейших синтаксических структурах, так как, по словам Б. А. Серебренникова, «синтаксис сообщает не столько о том, какие составные элементы картины мира человеком познаны, а о том, как они между собой связаны» [6, с. 57]. Следовательно, на грамматическом уровне национального языкового сознания способы соединения понятий оказываются более важными, чем способы их номинации.

Овладение тонкостями синтаксической семантики изучаемого языка важно для понимания коммуникативной интенции речи других людей, тех особых эмотивных и волюнтаривных нюансов, которые далеко не всегда представлены эксплицитно, но могут быть скрыты в самой грамматической структуре предложения.

Модальная и темпоральная семантика, как отмечают В. В. Виноградов и И. И. Мещанинов, имеют «смешанный лексико-грамматический характер» [2, 7]. Также в выражении темпоральной и модальной семантики участвует и семантическая категория персональности (или указание на лицо субъекта). Обычно в нарративных текстах наблюдается свободное варьирование семантических категорий персональности и темпоральности. Иными словами, употребление различных форм лица не влияет на выбор форм времени. Взаимодействие персональности с темпоральностью, точнее с временной локализованностью/нелокализованностью, состоит в том, что некоторые формы лица благоприятствуют употреблению определенных форм времени. Это особенно четко представлено при функционировании обобщенно-личных конструкций.

Неопределенность, обобщенность и безличность считаются «особыми типами отношения к лицу» [5, с. 554]. Соотношение между темпоральностью и модальностью при формах ПБВ СВ мы можем увидеть в обобщенно-личных высказываниях, так как обобщенно-личное значение 2-го лица единственного числа (далее — ед. ч.) (а также реже — других форм лица) может сопровождаться модальными оттенками неизбежности или возможности/невозможности действия.

Например:

1) *В такой палате не поправишься, только нервами **изойдешь*** [И. Греков. Перелом, 1987]; *Не из ручьев же пить грязную воду, еще **подцепишь*** (ср.: **можешь подцепить**) *какую холеру...* [Василь Быков. Болото, 2001]; *Нет, ну правда, ну что ты с ними **сделаешь*** (ср.: **можешь сделать**), *с придурками* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001. № 1–2]. Здесь обобщенно-личное значение 2-го лица ед. ч. отражает ситуацию, лишенную конкретной референции (повторяющуюся, обычную или «вневременную»), и соотносит ее участников с классом лиц, включающим говорящего как носителя собственного опыта или как человека, представляющего и разделяющего (зачастую вместе со слушающим) опыт и суждения обобщенного класса лиц (вплоть до масштаба «люди вообще»).

2) *Хотя понятно, что если захочется жить, **поймешь*** (ср.: **сможешь понять**) *самое непонятное* [Василь Быков. Главный кригсман, 2002]; *По объявлениям он **знакомиться боится**, мало ли, на кого **нарвешься*** (ср.: **можешь нарваться**) [Токарева

Виктория. Своя правда // Новый мир. 2002. № 9]. В таких предложениях конструкция грамматически опирается на бесподлежащее употребление формы 2-го л. ед. ч. изъявительного наклонения. Функцию отсутствующего в русском языке специального местоимения для обозначения обобщенного лица может выполнять личное местоимение 2-го л. с переносным значением в тех случаях, когда оно указывает не на адресат, а на типичный субъект. Следует отметить, что анализ языкового материала показал: формы 2 л. ед. ч. глаголов ПБВ СВ в наибольшей степени способны выражать значение модальности.

3) Обобщенно-личное употребление формы 2-го л. ед. ч. СВ часто сопровождается модальными оттенками возможности или невозможности, необходимости, наиболее ярко выраженными при отрицании с частицей *не*.

Предложения, реализующие значение отрицательной возможности, более продуктивны в русском языке. Такие высказывания отражают разнообразные сюжетные ситуации, объясняющие причины невозможности выполнить действие. Каузаторы невозможности могут иметь как объективный, так и субъективный характер. Рассмотрим первую группу примеров: — *День пропал, его не вернешь*, — повторил он слова учительницы [Борис Екимов. Фетисыч // Новый Мир. 1996. № 2]; *Жизнь есть жизнь. Ее не поторопишь*. *Пятилетку в два года я не выполнил* [Андрей Битов. Рассеянный свет, 1981]. Эти предложения содержат указание на невозможность действия по объективным причинам, не зависящим от воли и желания субъекта, но предопределенным общими законами жизни и природы.

Вторая группа примеров указывает на иные причины реализации действия: *И опять — никак не опишешь и не передашь* словами очарование этого рисунка [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1, 1978]; *Бизнес есть бизнес. Там, знаешь, не поспишь*. *Например, ее собственный двоюродный брат, так тот и во все не...* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001. № 1–2].

Фразы такого типа можно интерпретировать с помощью конструкций с предикативным наречием «невозможно» или глаголом «мочь» с отрицанием в сочетании с соответствующим инфинитивом, то есть «Невозможно описать и передать словами», «не сможешь поспать» и т. п. Необходимо обратить внимание на особую «энергичность» таких фраз, их эмоциональную окрашенность и стилистическую выразительность. Такие предложения в русском языке являются наиболее продуктивными при выражении невозможности осуществления действия.

4) Значение отрицательной возможности также может наблюдаться при формах 1-го л. ед. ч. Например: *Как же, как же... Кто такой? — убей, не вспомню* (ср.: *не могу вспомнить*) — *Вы его невестке купили квартиру, он вас очень хвалил...* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001. № 1–2]; *Что-то я ничего не пойму* (ср.: *не могу понять*). В данных высказываниях мы видим функционирование СВ при передаче ситуации актуального настоящего. Это возможно лишь в тех случаях, когда ко времени речи относится не само целостное действие, выраженное формой СВ, а то состояние, которое связано с невозможностью осуществления действия. В подобных высказываниях передается состояние *не могу вспомнить, не могу понять*, характеризующееся неопределенной длительностью и легко совмещающееся с ситуацией актуального настоящего. В таких случаях появляется особый вид парадигматических связей темпоральности и модальности, а именно связей в синонимии средств их формального

выражения, то есть один и тот же смысл может выражаться разными формальными показателями (ср.: ... **не вспомню / не могу вспомнить**...).

5) Данное явление можно увидеть и в формах 1-го л. множественного числа (далее — мн. ч.). Например: *Сегодня регистрацию **не пройдем** — тоже ничего. Завтра кончим* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001. № 1–2]. (ср.: *Сегодня регистрацию **не сможем пройти***). Отметим, что модальность глагольных форм ПБВ СВ наиболее ярко проявляется в отрицательных предложениях.

6) 3-е л. ед. ч. выступает в обобщенно-личном употреблении при формах ПБВ СВ. Например: — *Как меня только не называли! Мало кто уже все названия **вспомнит!** Когда только начал Петр I строить Петербург, напугал солдат медведь, выскочивший из-за моих деревьев, и стали меня звать Мишкиным или Мишиным* [Любовь Городнева. О чем помнит остров // Мурзилка. 2003. № 5]; *Всякий сведущий человек **скажет**, что сделка с недвижимостью вообще совершиться не может* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001. № 1–2] и др. Данный пример демонстрирует, что в случае употребления лексемы человек в сочетании с личной формой глагола обобщенно-личное значение предстает без четкой дифференциации со значением неопределенно-личным.

3-е л. ед. ч. также может употребляться в формах ПБВ СВ при выражении невозможности действия. Например: *Ни один зверь это **не выдержит*** (ср.: **не может выдержат**): *перегрызет горло, забьет рогами...* [Токарева Виктория. Своя правда // Новый Мир. 2002. № 9]; *Однако: ни в пьяном, ни в трезвом виде даже самый неопытный шофер **не направит*** (ср.: **не может направит**) *машину на движущийся и хорошо observable транспортный объект, тем более что пространство для маневра имелось* [Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // Новый Мир. 1997. № 11] и т. п. Однако формы 3-го лица мн.ч. могут передавать и модальность с семантикой как невозможности, так и возможности. Например: *Тут уже целый год не проедешь, никак **не закопают*** [Борис Екимов. Пиночет, 1999].

Несмотря на то что указанное значение более характерно для отрицательных предложений, оно может передаваться и при утверждении: *А трупы и без нас **опознают*** (ср.: **могут опознать**). *И выкинь из головы этого Синицына* [Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // Новый Мир. 1997. № 11]. Подобные высказывания в формах 3-го л. мн. ч. с семантикой возможности можно встретить в неопределенно-личных предложениях.

Модальность у форм ПБВ СВ при использовании 1-го и 3-го лица выражена не так ярко, как в формах 2-го л. в обобщенно-личном предложении (напр. *меня не обманешь* и т. п.). Тем не менее, модальный оттенок можно увидеть и в формах 1-го л. ед. ч. не только в отрицательных, но и в утвердительных предложениях. В качестве иллюстрации можно привести следующие предложения:

Предложения в формах 1-го л. ед. ч.

а) *Я не умею на лошадях ездить — упаду и тебя **уроню*** [Виктор Астафьев. Обертон, 1995–1996] (ср.: **могу упасть и тебя уронить**);

б) — *Не пройдет, — подтвердил Яков. — Но до ерика **довезу**. Собирайся* [Борис Екимов. Фетисыч // Новый Мир. 1996. № 2] (ср.: **смогу довезти**).

Предложения в формах 1-го л. в мн. ч.

Если говорить о формах 1-го л. мн. ч., то значение модальной семантики не наблюдается в утвердительных предложениях, однако оно проявляется в отрицательных высказываниях:

а) *Мы погибнем, сесть-то негде — горы. В Баку обратно тоже не долетим. Вавилов сообщил об этом Меллеру [Даниил Гранин. Зубр, 1987] (ср.: В Баку обратно тоже не сможем долететь).*

В приведенных примерах речь идет о так называемой «скрытой модальности». Такой тип скрытой модальности мы также наблюдаем в формах 2-го л. мн. ч., причем в отрицательных контекстах она проявляется сильнее. Например:

а) — *У вас еще три года учебы, за это время вы не только курсовую и диплом сделаете, успеете и половину диссертации подготовить [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. 2000. № 8–9] (ср.: сможете сделать и успеть...);*

б) *На чужом сенце не расцветете. Оно вам поперек горла станет. Доставалось всем [Борис Екимов. Пиночет, 1999] (ср.: не сможете расцвести);*

Таким образом, можно сказать, что между формами ПБВ СВ и семантикой темпоральности, модальности и персональности имеется тесная связь; что формы ПБВ СВ сами по себе позволяют проявиться модальности, которая охватывает широкий спектр значений: возможность и невозможность, вероятность и невероятность, предположение и сомнение — и даже выражает такой тонкий смысловой оттенок, как предположение, граничащее с уверенностью. Иными словами, наличие соотношения между модальностью и персональностью связано с темпоральными особенностями форм ПБВ СВ, то есть со спецификой употреблений данных форм.

Связь между темпоральностью и модальностью, а также персональностью в высказываниях ПБВ СВ можно объяснить тем, что между категориями вида и лица существуют функциональные связи, ограниченные в своем проявлении: некоторые разновидности обобщенно-личного и определенно-личного употребления с дополнительными оттенками связаны лишь с СВ. Вместе с тем, между категориями времени и лица существуют и парадигматические связи, которые проявляются в том, что значение обобщенности лица при употреблении форм 2-го л. ед. ч. взаимодействует со значением обычности, типичности действия, то есть его обобщенности во времени, которая встречается в конструкциях с ПБВ СВ. Обобщенность лица при употреблении форм 3-го л. мн. ч. в определенно-личных предложениях также связана с обобщенностью времени. Необходимо подчеркнуть, что предложения с обобщенным лицом очень характерны для русского разговорного языка ввиду их особой эмоциональности и многообразия выражаемых ими модальных оценок.

Другое соотношение между темпоральностью и модальностью в формах ПБВ СВ, на которое следует обратить внимание, — это временная нелокализованность предложений и форм, под которой подразумевается «языковая интерпретация регулярной или нерегулярной повторяемости процессов и явлений с возможными элементами обобщения и оценки» [5, с. 443–444]³. Подобные предложения также связаны с условиями употребления ПБВ СВ.

³ Об этом см. также статьи С. Н. Цейтлина [8] и Э. Кошмидера [9].

Итак, анализ соотношений темпоральной и модальной семантики с категорией лица демонстрирует сложность и неоднозначность семантических комплексов, которые выявляются при сопоставлении функций, реализуемых в высказываниях, и семантического потенциала языковых единиц. При рассмотрении языкового материала наглядно проявляется существенность тонких интерпретационных оттенков, раскрывающихся в высказывании при употреблении различных (частично синонимичных) форм. Это позволяет определить и объяснить семантические и синтаксические функции форм ПБВ СВ в их системно-языковом аспекте.

Литература

1. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
2. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследование по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
3. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
4. *Колианский Г. В.* К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 94–98.
5. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
6. *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
7. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 388 с.
8. *Цейтлин С. Н.* Категория предикативности в ее отношении к высказыванию и предложению // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: материалы конференции, 20–23 апр. 1971 г. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 168–170.
9. *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. С. 105–140.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2012 г.